

В.И. Шенрок

Материалы для биографии Гоголя

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.И. Шенрок**
Материалы для биографии Гоголя: Том 1 / В.И. Шенрок – М.: Книга по Требованию, 2014. – 400 с.

ISBN 978-5-517-98640-5

ISBN 978-5-517-98640-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Настоящій трудъ будетъ состоять изъ трехъ томовъ, при чемъ второй томъ предполагается напечатать не позже осени слѣдующаго года. Напечатанный первый томъ представляетъ въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ второе, исправленное, изданіе книги „Ученнческіе годы Гоголя“, вышедшей въ 1887 году, въ остальномъ—объединеніе ряда статей о Гоголѣ, помѣщенныхъ первоначально въ „Вѣстникъ Европы“, „Русской Старинѣ“, „Историческомъ Вѣстникѣ“ и другихъ журналахъ *). Рецензїи на книгу „Ученнческіе годы Гоголя“, были въ слѣдующихъ изданїяхъ:

„Историческій Вѣстникъ“ (1887, II).

„Дѣло“ (1887, II).

„Вѣстникъ Европы“ (1887, III).

„Кіевская Старина“ (1887, III).

„Русская Старина“, (1887, IV).

„Русская Мысль“ (1887, VI).

„Сѣверный Вѣстникъ“ (1887, X).

Всѣмъ гг. рецензентамъ приносимъ искреннюю благодарность.

*) Объединеніе разрозненныхъ статей представило нѣкоторыя затрудненїя при корректурахъ. вслѣдствїе чего мѣстами пришлось допустить незначительныя повторенїя.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Въѣсто предисловія	1
Краткій обзоръ литературы о Гоголѣ.	9

Предки и родители Гоголя.

I. Предки Н. В. Гоголя. Личность и вліяніе матерп.	27
II. Свѣдѣнія о жизни и бытѣ родителей Гоголя.	36

Ученическіе годы Гоголя (1809—1828).

I. Краткія свѣдѣнія о дѣтствѣ Гоголя до вступленія въ школу и о домашней средѣ его въ школьный періодъ	59
II. Школьная жизнь Гоголя. Страсть къ живописи и театру	71
III. Школьная жизнь Гоголя въ характеристикахъ гг. Кулиша и Кояловпча.	81
IV. Воспоминанія А. С. Данілевскаго о школьной жизни Гоголя	93
V. Переписка съ матерью. Отношенія къ родственникамъ во время пребыванія въ школѣ. Слогъ писемъ	108
VI. Краткій обзоръ писемъ Гоголя къ Г. П. Высоцкому	124
VII. Окончаніе Гоголемъ курса въ Нѣжинѣ и переездъ его въ Петербургъ.	144

Первое время жизни Гоголя въ Петербургѣ (1829—1830).

I. Приездъ Гоголя въ Петербургъ и первыя его впечатлѣнія въ столицѣ.	151
II. Пидлія „Гавць Кюхельгартень“	153
III. Недовольство Гоголя Петербургомъ и тоска по родной Украинѣ	169
IV. Первая поездка Гоголя за-границу	179
V. Краткій обзоръ писемъ Гоголя къ матери 1829—1830.	190
VI. Разборъ мнѣній г-жи Бѣлозерской и г-жи Черницкой объ отношеніяхъ Гоголя къ матери	200
VII. Отношенія Гоголя къ матери въ зрѣлыя годы.	208
VIII. Попытки Гоголя найти опредѣленное поприще дѣятельности въ Петербургѣ	221

Н. В. въ началѣ литературной карьеры (1830—1831).

I. Задатки творчества въ юности Гоголя и развитіе ихъ въ „Вечерахъ на Хуторѣ“	239
II. Литературныя и свѣтскія отношенія Гоголя въ началѣ тридцатыхъ годовъ.	292
III. А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь въ 1830—1832 г.	304
IV. Отношенія Гоголя къ Пушкину	338
V. Отношенія Гоголя къ А. С. Данилевскому въ началѣ тридцатыхъ годовъ	349
VI. Постепенное расширеніе литературныхъ связей Гоголя.	365
Прложенія.	373

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Имена великихъ дѣятелей чтятся высоко у народовъ всѣхъ образованныхъ странъ; память о нихъ должна быть священной для потомства. Эта общеизвѣстная истина получаетъ на нашихъ глазахъ все большее значеніе въ средѣ нашего общества. Никто, конечно, не станетъ отрицать, что переживаемое нами время не безъ основанія считается тяжелой переходной эпохой, но зато съ другой стороны, при всѣхъ невзгодахъ труднаго экономическаго положенія и душевной нравственной атмосферы, посреди которой мы живемъ, можетъ быть, давно не было столько причинъ радоваться нѣкоторымъ успѣхамъ, сдѣланнымъ лучшею частью нашего общества. Въ ряду этихъ причинъ видное мѣсто занимаетъ благоговѣніе передъ талантомъ и общественнымъ значеніемъ выдающагося литератора или художника, которое ярко выразилось въ недавнемъ торжественномъ чествованіи нѣкоторыхъ наиболѣе даровитыхъ современныхъ писателей и небываломъ стеченіи народа на похоронахъ высоко-талантливыхъ беллетристовъ нашихъ, особенно Тургенева и Достоевскаго. Вообще теперь все болѣе замѣчается очевидный успѣхъ нашего общества въ признаніи и оцѣнкѣ имъ заслугъ представителей науки, литературы, искусства. Въ самомъ дѣлѣ, если мы воздаемъ должную дань почета и удивленія героямъ и завоевателямъ, прославляемъ военные и административные таланты, которымъ въ свое время выпало на долю высокое счастье способствовать внутреннему и внѣшнему благососто-

янію нашего отечества, то не меньшею, конечно, признательностью обязаны мы также людямъ, посвятившимъ свои богатые дарованія и замѣчательныя силы развитію въ обществѣ эстетическаго чувства и проведенію въ жизнь благородныхъ идеаловъ, способствующихъ умственному и нравственному нашему совершенствованію.

Если искреннее и сознательное признаніе заслугъ людей мысли и въ частности образцовыхъ писателей наступаетъ обыкновенно въ обществахъ нѣсколько позднѣе, чѣмъ признаніе большинства другихъ полезныхъ дѣятелей, то тѣмъ утѣшительнѣе и знаменательнѣе наступленіе этой поры, свидѣтельствующей о распространеніи *въ лучшей части общества* безкорыстнаго уваженія къ знанію, и умственному и духовному превосходству, которое въ неразвитой толпѣ всегда ставится не только ниже военныхъ доблестей и практической пользы, доставляемой успѣшными административными мѣрами, но даже нерѣдко ниже могущества грубой силы капитала, силы кошелька.

Писатели, являясь по самой природѣ вещей представителями мысли, а масса выразительницею и воплощеніемъ матеріальныхъ интересовъ и преобладанія послѣднихъ надъ умственными, представляютъ двѣ совершенно разнородныя, чтобы не сказать, противоположныя стихіи, которыя могутъ то сближаться, то отдаляться, и по этому сближенію или отдаленію лучше всего можно судить о пульсѣ умственной жизни общества и о степени его развитія.

Если сказанное нами справедливо, то не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что изученіе жизни нашихъ лучшихъ писателей должно представлять для насъ предметъ высокаго интереса. Разработка біографическихъ данныхъ, даже въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, является съ одной стороны нашимъ долгомъ, а съ другой—естественной сильной данью глубокаго благоговѣнія и признательности къ дѣятельности тѣхъ, чьей памятью справедливо дорожатъ и гордятся образованная часть нашего общества.

Великая заслуга Гоголя передъ русскимъ обществомъ и литературой поставила его на такую высоту, о которой и самъ онъ, при всемъ высокомъ мнѣніи о себѣ, не имѣлъ яснаго

представленія. Будущимъ историкамъ литературы предстоитъ еще опредѣлить степень глубины и продолжительности вліянія его на развитіе отечественной словесности, которое выяснится вполнѣ, можетъ быть, только по завершеніи дѣятельности всей созданной имъ школы. Несомнѣнно однако, что одной изъ причинъ широкаго національнаго значенія нашего писателя слѣдуетъ считать то обстоятельство, что онъ не ограничивалъ кругъ наблюденій, симпатій и самой дѣятельности одной узкой племенной сферой, но посвятилъ свои необъятныя силы служенію всей Россіи, — обстоятельство, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшее размѣрамъ его могучаго дарованія и широтѣ его стремленій... Въ позднѣйшую пору своей дѣятельности онъ опредѣленно выразилъ взглядъ на задачу всей своей жизни, (къ которой смутно стремился чуть не съ дѣтства, но которую сознательно уяснить себѣ былъ въ силахъ лишь значительно позднѣе); онъ убѣдился, по выраженію его въ „Авторской Исповѣди“, что „тому, кто пожелаетъ истинночестно служить Россіи, чуждо имѣть очень много любви къ ней, которая поглотила бы уже всѣ другія чувства“.

Но въ то же время Гоголь никогда не переставалъ быть истиннымъ и вѣрнымъ сыномъ Украйны, что не могло, конечно, не отражаться и на всемъ нравственномъ складѣ этой въ высшей степени даровитой личности. Не только по своему происхожденію, но и по складу характера и по наружному виду онъ былъ настоящимъ малороссъ; всѣми глубочайшими и завѣтными струнами души онъ былъ связанъ съ своей поэтической родиной. Такимъ образомъ личность Гоголя представляетъ въ нашей литературѣ чрезвычайно любопытный и поучительный примѣръ сліянія малороссійскихъ симпатій съ общерусскими и подчиненія первыхъ послѣднимъ.

Безъ сомнѣнія, общее теченіе жизни и даже отчасти случайныя обстоятельства могли имѣть немалое вліяніе на временный перевѣсъ тѣхъ или другихъ симпатій въ каждый данный моментъ, и это, въ свою очередь, должно было отражаться на воззрѣніяхъ писателя, при чемъ перемѣны въ отношеніяхъ Гоголя къ одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ его интимной жизни не были, конечно, такъ рѣзки и исключительны, чтобы онъ совершенно не допускали совмѣстнаго развитія обоихъ теченій. Но вообще говоря, легко убѣдиться, что въ ранніе годы чувство страстной любви къ Украйнѣ

было въ немъ гораздо свѣжѣе и интенсивнѣе, нежели впоследствии, когда оно мало-по-малу утрачивало свою исключительность и уступало мѣсто болѣе широкимъ симпатіямъ, охватившимъ наконецъ всю обширную Русь.

Если имѣть при этомъ въ виду, что на склонѣ литературной дѣятельности Гоголь остался вѣренъ тѣмъ же стремленіямъ, какими былъ воодушевленъ какъ въ ранней юности, такъ и въ лучшую пору своего творчества, то это обстоятельство даетъ возможность намѣтить въ его внутренней жизни, съ одной стороны, основной фонъ его задушевныхъ стремленій, въ которыхъ онъ видѣлъ смыслъ и цѣль своей дѣятельности, а съ другой—нѣсколько отдѣльныхъ фазисовъ развитія, сообразно съ которыми они видоизмѣнялись, попеременно принимая ту или другую окраску. Можно было бы отмѣтить въ его жизни нѣсколько, не рѣзко впрочемъ отдѣляющихся, періодовъ въ отношеніи къ указанному вопросу.

Еще въ раннемъ дѣтствѣ впечатлѣнія отъ современной малороссійской жизни, знакомство съ прошлымъ Малороссіи по рассказамъ о старинныхъ событіяхъ, частое присутствіе при живыхъ и остроумныхъ бесѣдахъ отца съ знаменитымъ сосѣдомъ¹⁾, въ которыхъ не мало могъ почерпнуть Гоголь и для своихъ произведеній перваго періода, по, что всего важнѣе, могъ вынести унаслѣдованное отъ этихъ пламенныхъ любителей малороссійской старины сочувствіе ко всѣмъ подробностямъ родной жизни и быта, наконецъ, видѣнныя на домашнемъ театрѣ Трощинскаго представленія юмористическаго характера, — все это должно было забросить благотворныя сѣмена любви къ родинѣ въ душу отрока еще въ пору, предшествовавшую поступленію его въ школу, въ которую онъ явился уже съ достаточно опредѣлившимися наклонностями и задатками. Напротивъ, въ послѣдніе годы школьной жизни, значеніе которыхъ нельзя не признать особенно важнымъ, такъ какъ тогда формировался характеръ и складывалось міросозерцаніе гениальнаго юноши, его щедро одаренная натура уже страстно искала простора смутно сознаваемымъ въ себѣ силамъ и влекла его неудержимо на сѣверъ, въ далекую столицу, на которую онъ возлагалъ широкія надежды относительно осуществленія своихъ замысловъ.

¹⁾ Трощинскимъ.

Въ эту пору идеаловъ онъ не останавливался даже передъ мыслью, если будетъ нужно, оставить навсегда Малороссію. Это, вѣроятно, было то самое время, когда, по словамъ „Авторской Исповѣди“, Гоголю представлялось, что его „ожидаетъ просторный кругъ дѣйствій“, и что онъ „сдѣлаетъ даже что-то для общаго добра“¹⁾. Результатомъ стремленій было, какъ извѣстно, поступленіе Гоголя въ Петербургъ на службу. Острое разочарованіе, вызванное столкновеніемъ съ суровой дѣйствительностью и непривѣтливой стороной столичной жизни, заставили юношу тотчасъ же съ любовью оглянуться на дорогое прошедшее, и чувство страстной привязанности къ родинѣ вспыхнуло въ немъ снова яркимъ пламенемъ со всей беззавѣтностью молодого увлеченія. Въ отвѣтъ на убѣжденія матери оставить Петербургъ Гоголь писалъ однажды: „Боже сохрани, если доведется ѣхать въ Россію! По моему, ежели ѣхать, такъ только въ Малороссію“²⁾. Вскорѣ занятія исторіей дали только новую обильную пищу этому энтузіазму. Письма Гоголя къ Максимовичу особенно наглядно показываютъ, съ какою горячей любовью онъ относился тогда къ роскошной природѣ и чуднымъ преданіямъ Малороссіи. Увлеченіе доходило въ это время до высшаго предѣла, проявляясь нерѣдко въ весьма энергической формѣ. Однажды, напримѣръ, поэтъ съ воодушевленіемъ совѣтуетъ другу: „бросьте въ самомъ дѣлѣ *кацапію*. да поѣжайте въ гетманщину“³⁾. Въ другой разъ, говоря уже о себѣ, онъ восклицаетъ: „Представь, я тоже думалъ: „туда! туда! въ Кіевъ! въ древній и прекрасный Кіевъ! Онъ нашъ, онъ не ихъ, не правда ли?“...“⁴⁾. Намѣреніе переселиться въ Малороссію сильно занимало Гоголя до самаго его отъѣзда за-границу, когда весь жизненный строй его настолько существенно измѣнился, что иные интересы и стремленія значительно заслонили для него дорогую Украину. На приглашеніе матери переѣхать изъ Італіи на родину Гоголь отвѣчаетъ уже почти съ раздраженіемъ, возражая, что, „климатъ въ Малороссіи совсѣмъ не то, что въ Італіи“, а, передавая объ этомъ приглашеніи одному изъ близкихъ друзей, отзы-

1) Соч. Гоголя. изд. X, т. IV, стр. 248.

2) „Соч. и письма Гоголя“. т. V, стр. 109.

3) „Письма Гоголя къ Максимовичу“. стр. 2

4) Тамъ же. стр. 4.

вается о немъ, какъ о совершенно невозможной и странной мечтѣ¹⁾. Въ то же время на чужбинѣ Гоголю изъ „прекраснаго далека“ начинаетъ представляться все въ болѣе привлекательномъ свѣтѣ уже вся великая Россія, на которую онъ постепенно распространяетъ свои симпатіи. Еще въ первую заграничную поѣздку, когда, по собственному сознанию Гоголя, проектъ и цѣль его путешествія были очень неясны, онъ былъ убѣжденъ только въ томъ, что „узнаетъ цѣну Россіи только внѣ Россіи“. И теперь, кромѣ болѣзненнаго состоянія здоровья, потребовавшаго теплаго климата, ему было нужно удаленіе изъ Россіи, чтобы живѣе пребывать мыслью въ ней. Спустя еще нѣсколько лѣтъ Гоголь уже является, несомнѣнно, вполне искреннимъ и глубокимъ общерусскимъ патриотомъ въ своихъ задушевныхъ лирическихъ отступленіяхъ въ „Мертвыхъ Душахъ“. Если въ „Ревизорѣ“ онъ уже „рѣшился собрать въ кучу все дурное въ Россіи, чтобы за одинъ разъ посмѣяться надъ всѣмъ“²⁾, имѣя въ виду конечно широкую общественную цѣль, то теперь онъ думалъ, что „исполняетъ тотъ долгъ, для котораго призванъ на землю, для котораго именно даны ему способности и силы“, и что, „исполняя его, онъ въ то же время служитъ государству своему, какъ бы дѣйствительно находился въ государственной службѣ“. Наконецъ въ письмахъ къ Александрѣ Осиповнѣ Смирновой, отличавшихся, какъ извѣстно, вполне интимнымъ характеромъ, есть одно въ высшей степени замѣчательное мѣсто, изъ котораго можно окончательно убѣдиться, что въ зрѣлыхъ годахъ Гоголь одинаково горячо и сильно любилъ обѣ родственныя ему народности и ни одной не отдавалъ предпочтенія. „Скажу вамъ, что я самъ не знаю, какова у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никакъ бы не далъ преимущества ни малороссіянину передъ русскимъ, ни русскому передъ малороссіяниномъ. Обѣ природы щедро одарены Богомъ, и какъ нарочно каждая изъ нихъ порознь заключаетъ въ себѣ то, чего нѣтъ въ другой“³⁾.

1) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 302 и 303.

2) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 249.

3) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 147.

Въ декабрьской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1886 годъ мы нашли совершенно неожиданно подтвержденіе нашихъ словъ о томъ, что въ концѣ своей жизни Гоголь одинаково высоко цѣнилъ русскую и малорос-